

Александр
Солженицын

«ПРЯМАЯ ЛИНИЯ»:

НАДО ДУМАТЬ ОБ ОБЩЕЙ БЕДЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Дизайн обложки *Валерия Ковригина*
Макет *Анна Якунина*

Солженицын А. И.
С 60 «Прямая линия»: надо думать об общей беде / А.И. Солженицын, авт.-сост. Н.Д. Солженицына. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 224 с. — (Книги о России для думающих людей)
ISBN 978-5-17-079754-7

В этой книге собраны самые важные для нас вопросы, на которые Александр Исаевич Солженицын отвечал в течение многих лет. Участник войны, узник лагерей, автор «Архипелага ГУЛАГ» справедливо назвал себя «страдателем бесконечно жестокого века России». Исколесив фактически всю страну, встречаясь с людьми самых разных профессий и взглядов, разного уровня достатка, он стал своего рода глашатаем «судьбы русского народа». В этой книге мы предлагаем читателю «прямые линии» – ответы великого писателя на личные и общественные чаяния, реалии, свидетелем которых он стал и в которых мы жили и живем. Для чего нам посылаются страдания? Откуда черпать силы? Что ждет Россию? Кому будет принадлежать XXI век? И многое другое...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литературно-художественное издание

12+

Александр Исаевич Солженицын
«ПРЯМАЯ ЛИНИЯ»: НАДО ДУМАТЬ ОБ ОБЩЕЙ БЕДЕ

Ведущий редактор *Маргарита Гумская*
Технический редактор *Татьяна Тимошина*
Корректор *Елизавета Дейкина*
Компьютерная верстка *Веры Брызгаловой*

Подписано в печать 15.02.2016. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 14,0

Тираж: 2500 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар 21, стр. 3 ком. 5.

www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru • E - mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Өндірген мемлекет: Ресей.

Сертификация қарастырылмаған

© А.И. Солженицын, наследники
© Н.Д. Солженицына, составление, пояснения
© «ООО Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-079754-7

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Редко у кого личная судьба так тесно бывает переплетена с судьбой писательской, как у Александра Солженицына. Вскоре после публикаций рассказов «Один день Ивана Денисовича», «Матрёнин двор», «Случай на станции Кречетовка», принесших ему мировую известность, писатель впал в немилость у властей, книги его больше не печатали и встречам с читателями всячески препятствовали. Так прошло десять лет, в течение которых лишь дважды состоялись подобные встречи — в Курчатовском институте атомной энергии (запись не сохранилась) и в Институте востоковедения. В 1974 году, после того как «Архипелаг ГУЛАГ» был напечатан в Париже, Солженицына лишили гражданства и выслали из СССР. На Западе писатель и вовсе не встречался с читателями, знающими написанное им лишь в переводах. И только когда возвращение на родину стало наконец возможно, он смог безпрепятственно, много и подолгу общаться с соотечественниками.

Солженицын исколесил 27 областей России, встречался со множеством людей, с интеллигенцией городской и сельской, с учителями, студентами, речниками, врачами, с учёными и фермерами, директорами заводов и обитателями поселковых трущоб, он записывал их просьбы, советы,

умоления, настояния — в надежде донести всё это до слуха власть имущих.

В этой книге мы предлагаем читателю «прямые линии» — записи тех встреч и разговоров с соотечественниками. Лишь две из них относятся ко времени до изгнания Солженицына из СССР, только одна — за двадцать лет жизни на Западе. А по возвращении в Россию таких встреч было более девяноста, здесь мы публикуем десять из них.

Все выступления писателя при его поездках по России не были заранее подготовленными речами, он начинал их с заявления: «У меня нет готовой лекции, не ждите её от меня. Я пришёл больше слушать вас, чем говорить сам», — и предлагал всем желающим выступить вне какой-либо «повестки дня», на любую тему: о своих болях, тревогах, надеждах, соображениях, предложениях. Встречи проходили в переполненных залах, доступ был свободный, выступавших всегда не меньше 25–30 человек. Солженицын слушал, записывал — и только потом говорил сам, стараясь откликнуться на все затронутые людьми темы. Лишь на двух встречах со студентами — в Цюрихском университете и в Российском гуманитарном — речь шла в основном о литературе, участники же других встреч поднимали темы политические, национальные, бытовые, образовательные, нравственные, религиозные, ставили вопросы о смысле жизни и личные, о самом писателе.

Впечатления от этих встреч автор положил в основу публицистической книги «Россия в обвале» (1998), которую писал «как один из свидетелей и страдателей бесконечно жестокого века России — запечатлеть, что мы видели, видим и переживаем».

Наталья Солженицына

ОТВЕТ ТРЁМ СТУДЕНТАМ

[Рязань, октябрь 1967]

Ощущение такое, что я вам свою мысль не договорил, не дояснил. Вот ещё несколько слов.

Справедливость есть достояние протяжённого в веках человечества и не прерывается никогда — даже когда на отдельных «суженных» участках затмевается для большинства. Очевидно, это понятие человечеству врождено, ибо нельзя найти другого источника. Справедливость существует, если существуют хотя бы немногие, чувствующие её. Любовь к справедливости мне представляется чувством отдельным от любви к людям (или совпадающим с нею лишь частично). И в те массово-развращённые

эпохи, когда встаёт вопрос: «а для кого стараться? а для кого приносить жертвы?» — можно уверенно ответить: для справедливости. Она совсем не релятивна, как и совесть. Она, собственно, и есть совесть, но не личная, а всего человечества сразу. Тот, кто ясно слышит голос собственной совести, тот обычно слышит и её голос. Я думаю, что по любому общественному (или историческому, если мы его не понаслышке, не по книгам только знаем, а как-то коснулись душой) вопросу справедливость нам всегда подскажет поступок (или суждение) не безсовестный.

И так как разума нашего обычно не хватает, чтобы объяснить, понять и предвидеть ход истории (а «планировать» её, как вы сами говорите, оказалось бессмысленно), — то никогда не ошибётесь, если во всякой общественной ситуации будете поступать по справедливости (старинное русское выражение — *жить по правде*). Это даёт нам возможность быть постоянно деятельными, не руки опустя.

И не возражайте мне, что «все понимают справедливость по-разному». Нет! Могут кричать, за горло брать, грудь расцарапывать, но внутренний стукоток так же безошибочен, как и внушения совести (мы ведь и в личной жизни иногда пытаемся перекричать совесть). Например, я уверен, что лучшие из арабов и сейчас прекрасно понимают, что Израиль по справедливости имеет право жить и быть.

Жму руки!

Солженицын

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ*

30 ноября 1966

Этой весной я окончил первую часть повести «Раковый корпус». Я послал текст в журнал «Новый мир». Повесть прочли и одобрили в различных литературных инстанциях и рекомендовали к печати. Впрочем, это ещё не значит, что она будет опубликована. Судьба повести ещё не ясна**. Так вот я вам прочитаю главы из неё.

* По записи слушателя в зале.

** В декабре 1967 «Новый мир», после долгой борьбы «в инстанциях», начал набор «Ракового корпуса», но через две недели приказом властей набор был остановлен. Впервые повесть была напечатана на родине в 1990 году.

[Писатель прочитал главу 6 («История анализа») и главу 16 («Несуразности»). После небольшого перерыва сказал, что готов ответить на вопросы присутствующих.]

Почему вы избрали темой своего романа корпус больных раком в одной из больниц, точнее, сам рак?

Я сам во время ссылки тяжело болел этой болезнью и разговаривал в открытую со знакомыми врачами, они говорили, что мне осталось жить несколько недель. Так что я знаю этот сюжет.

Мне не понравился эпизод с кислородной подушкой. Скажите, зачем вы его описали?

[В зале хохот. Солженицын пожимает плечами.]

Зачем? Это жизнь... вот и всё.

Сумма вопросов из записок: Что можно сделать, чтобы ваши книги быстрее доходили до читателя? Что ещё вы написали недавно? Когда и где это будет опубликовано? Какова судьба вашей комедии, данной «Современнику»? Какие ещё ваши произведения отлёживаются в портфелях редакций? Как вы решились на эту пресс-конференцию, раз первоначально

высказывались категорически против какого-либо интервью?

Почему я переменял намерение не выступать с публичным интервью? Конечно, в наше время, в условиях ритма современной жизни, когда вечно не хватает времени, писатель должен писать, а не отвечать на вопросы. И сегодня я придерживаюсь того же мнения. Но оно справедливо, только когда продукция писателя регулярно видит свет, и тогда писатель чувствует контакт с миром через письма читателей и критические статьи. На протяжении многих лет круг моих читателей состоял из десятка человек. После опубликования в 1962 году «Одного дня Ивана Денисовича» поток писем читателей стал затопляющим. Это были не только замечания, но и огромное количество материала, который можно было обработать. Целый год я только и делал, что отвечал на письма, вместо того чтобы работать. Но последние четыре года мои произведения не публикуются. И я получил урок: мне ни в коем случае не следовало пренебрегать публичными выступлениями. Само моё положение принудило меня искать встреч с читателями. Я стал это делать по трём соображениям. Во-первых, мне необходимо чувствовать реакцию читателей. Во-вторых, мне нужно защищать свои авторские права. В-третьих, мне надо защищать моё имя от клеветы.

Я написал роман «В круге первом». Это 35 печатных листов. В 1964 году «Новый мир» принял его к публикации. Ещё есть пьеса «Олень и шалашовка» и повесть «Раковый корпус». Театр «Современник» хотел поставить пьесу, но ему это не удалось. В той пьесе описывается концентрационный

лагерь, но не такой, как в «Одном дне». Там живут вместе и политзаключённые, и уголовники, женщины и воры.

Мой роман «В круге первом» стал достоянием некой такой организации, которая зорко следит за развитием литературы, хотя это никак не входит в круг её ведения. Эта организация конфисковала мой архив, не предназначавшийся к печати. И некоторые произведения из того архива начали распространять подпольно, в частности, среди определённого круга лиц, куда входят руководители Союза писателей. Смотрите: я ещё жив – а уже без моего ведома закрыто издаются для каких-то избранных мои произведения. Эти люди читают их, комментируют между собой. Среди них Хренников, Кочетов, Сурков и многие другие. Что я должен делать? Если бы мои произведения просто конфисковали, я бы молчал. Я пожаловался в Центральный Комитет партии. Но мои жалобы не дали результатов.

Кстати, среди этих работ также пьеса «Свеча на ветру». Недавно Д. Стариков опубликовал критическую статью под заглавием «Свеча на ветру»; это показывает, что безконтрольное пользование ненапечатанными рукописями может толкать и на плагиаты. Например, в моём романе есть много новых синтаксических элементов, новое в построении фраз, в расположении глав. Но если кто-то другой пользуется этими изобретениями, я не могу призвать его к ответу, потому что мой роман не напечатан. А плагиатом считается только списывание с опубликованного...

Я хотел бы обратиться в Союз писателей, но в действующем уставе нет ни одной статьи, защищающей авторские права его членов. В области техники случаи, когда кто-то

сначала «умалчивает», а потом вторично «открывает» истину, давно открытую другими, довольно часты: там есть широкие возможности для того, чтобы узнавать новости и копировать формы. В области искусства об этом говорят много. Так, итальянский неореализм в значительной степени родился из наших фильмов двадцатых годов. Но если новшества в области литературного творчества остаются в портфелях редакций, они ничего не заслуживают. Посмотрите, как сейчас мы радуемся новым публикациям комедий Булгакова и рассказов Платонова. На мой взгляд, в русской литературе было три больших юмориста: Гоголь, Чехов и Булгаков. И посмотрите на произведения Платонова: они могли бы звучать совсем по-иному, если бы их опубликовали тридцать лет назад, когда они были написаны.

Но вернёмся к моему случаю. Мне кажется, что кто-то имеет больше прав на мой роман, чем я сам. Поэтому я вынужден защищаться, если не прекратить писать. На заседаниях комитета по Ленинским премиям кто-то сказал, что Солженицын уголовник. Это утверждение Твардовский опроверг документально. Потом, существуют лекторы, которые с официальной трибуны говорили, что Солженицын сотрудничал с немецкой полицией, не говоря уже о том, что он сдался в плен. В Новосибирске во время встречи между редакцией «Нового мира» и читателями кто-то задал вопрос, правда ли, что Солженицын был агентом гестапо. Я потребовал публичного обсуждения, чтобы опровергнуть всё это, но мне предложили обсуждение за закрытой дверью. Поэтому не удивляйтесь, если услышите, что я выступал против Джордано Бруно или являюсь защитником птолемеевой системы...

Расскажите, пожалуйста, о вашем участии в войне.

Я был призван в октябре 1941 года. Сначала был простым солдатом, потом кончил Ленинградское артиллерийское училище в Костроме. Был на Северо-Западном фронте, потом на Центральном, Брянском и Белорусском. В феврале 1945 года в Восточной Пруссии был арестован из-за писем своему другу. Мне дали 8 лет лагерей, а после того пожизненную ссылку. Там я провёл ещё три года.

Не намеревались ли вы что-либо написать о военных годах?

Все мои военные дневники были отняты КГБ при аресте, а затем сожжены. Как правило, военная тема пользовалась у нас успехом и не нуждается в моём вкладе...

[Голос из зала: «Жаль!»]

Каких писателей Востока вы считаете наиболее близкими себе?

Четыре года я провёл на войне. Перед этим несколько лет учился в двух высших учебных заведениях одновременно. Одиннадцать лет я провёл в лагерях и ссылке. Потом стал учителем, но не литературы, а математики и физики. Короче, мне всегда не хватало времени. Я не могу ответственно судить ни о Востоке, ни о Западе. Всё, что я усвоил, я перенял у русской литературы.

*Ваши ли рассказы циркулируют под названием «Короткие рассказы»?**

Да, мои.

Можете ли вы написать сценарий по «Одному дню Ивана Денисовича?»

Задача не в том, чтобы написать сценарий по своим произведениям. Лучше написать новое произведение. Впрочем, мне никто и не предлагал экранизовать «Один день». Но предлагали экранизовать рассказ «На станции Кречетовка».

Кто является прототипом Матрёны? Взяли ли вы этот персонаж с натуры?

Матрёна Васильевна Захарова. В моём рассказе все имена подлинны.

Костоготов автобиографичен?

Я не смешиваю себя ни с одним из персонажей повести.

Что вы думаете о рассказах Шаламова?

У него, кроме рассказов, есть много стихов, которые не опубликованы. Мне они очень нравятся. Жаль, что они

* Это одно из названий, под которым в самиздате ходили миниатюры Солженицына «Крохотки». Они также не были напечатаны в СССР вплоть до перестройки.

мало известны. Автор тяжело болен после одиннадцати лет заключения. Его рассказы? Они отражают жизнь в заключении в самом тяжёлом её аспекте.*

Как точно формулировался приговор о пожизненной ссылке?

В сталинские времена существовала инструкция, по которой все, имевшие среди статей обвинения статью 58-11, организация, автоматически подлежали пожизненной ссылке, даже если по другим статьям кодекса они должны были получить освобождение.

В чём вас обвиняли?

Фразы и мнения по литературным вопросам и о самом Сталине.

Когда был написан «Один день Ивана Денисовича»?

Он был написан за несколько лет до публикации.

* Солженицын любил стихи Шаламова: «Я прочёл их летом 1956 и задрожал: вот он, брат! из тайных братьев, о которых я знал, не сомневался... Для меня, конечно, и фигура самого Шаламова и стихи его не укладывались в область «просто поэзии», — они были из горячей памяти и сердечной боли; это был мой неизвестный и далёкий брат по лагерю» («Бодался телёнок с дубом»). К 1966 году были опубликованы лишь две небольшие книжечки стихов Шаламова — «Огниво» (1961) и «Шелест листьев» (1964). Рассказы Шаламова ходили в самиздате, ни один из них не был напечатан в СССР. Во вступлении к Части Третьей «Архипелага ГУЛАГа» Солженицын пишет: «...непоислен для одинокого пера весь объём этой истории и этой истины. Получилась у меня только щель смотровая на Архипелаг, не обзор с башни. Но, к счастью, ещё несколько выплыло и выплывет книг. Может быть, в «Колымских рассказах» Шаламова читатель верней ощутит безжалостность духа Архипелага и грань человеческого отчаяния».

*Что сказала Кедрина, когда обсуждалась
ваша повесть «Раковый корпус»?*

При обсуждении я ждал, что столкнутся различные мнения. Но никаких споров не было. Дискуссия свелась к похвале. Ну а Кедрина выступила против*.

Что вы думаете о Евгении Гинзбург?

«Крутой маршрут» весьма хорош и характерен. Жаль, что он не опубликован у нас**.

Расскажите о ваших произведениях довоенного времени.

Свои довоенные произведения я не считаю заслуживающими внимания.

*Вам разрешают выступить и встречаться
с читателями?*

Нет, мне препятствуют организовывать эти встречи. В середине ноября все мои назначенные встречи и выступления были под разными предлогами отменены.

* Обсуждение проходило в Центральном доме литераторов 16 ноября 1966. «И превратилось обсуждение не в бой, как ждалось, а в триумф и провозвещение некой новой литературы — ещё никем не определённой, никем не проанализированной, но жадно ожидаемой всеми. Она, как заявил Каверин в отличной смелой речи, придёт на смену прежней рептильной литературе. Кедрин и говорить не дали: демонстративно повалом, вслед за Виктором Некрасовым, стали выходить вон» («Бодался телёнок с дубом»).

** Впервые на родине «Крутой маршрут» опубликован в 1988 году.